

ДИСКУССИЯ

УДК 94(47).035=161.1(045)»653»(47)

ББК 63.3

DOI 10.25797/NG.2019.1.26157

О.В. Комаров

ДИСКУССИЯ О ДОСПЕШНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Аннотация: Статья представляет собой критический отклик на работу оружейведа О.В. Шиндлера «Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы», опубликованную в журнале «Valla», № 4 за 2018 г. Автор отвечает на критические замечания своего оппонента и оспаривает некоторые положения,

выдвинутые в его статье. В рамках дискуссии рассматриваются вопросы упоминания предметов защитного вооружения в русских письменных источниках и возможность совместить доспешные термины с артефактами.

Ключевые слова: Московская Русь, защитное вооружение, терминология

В № 4 журнала «Valla» за 2018 г. была опубликована моя статья «Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы»¹. Вскоре там вышла статья О.В. Шиндлера «Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг.»². Автор составил краткий отзыв о моей статье и провел систематизацию упоминания терминов в источниках названного периода.

С целью углубления и расширения вопросов, поднятых в двух статьях, была написана данная работа. Она будет сделана

в форме подробного критического отзыва на статью О.В. Шиндлера.

Отзыв О.В. Шиндлера о моей статье: «Автор, безусловно, прав в том, что средневековый язык источников и язык раннего Нового времени допускали двойственное трактование доспешных терминов, которые не имели четких границ, а некоторые определения могли меняться со временем, иметь разные значения в разное время и разных местах. Однако нам кажется целесообразным возразить мнению коллеги в том, что «разнообразная, меняющаяся и подчас противоречивая терминология XV–XVII вв. объективно не может четко соотноситься со строгой классификацией оружейведения XIX–XXI в.». Не утруждая себя анализом

¹ Комаров О.В. Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы // Valla. 2018. Т. 4. № 4. С. 12–25.

² Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. // Valla. 2018. Т. 4. № 5. С. 36–50.

артефактов, Комаров допустил ряд ошибочных суждений по части терминологии. Калантари у него оказываются родственны байдамам, потому что в источниках они упомянуты рядом, при этом исследователь проигнорировал историографию вопроса, лишь вскользь упомянув мнение А.Н. Чубинского; бахтерцы с бармицей он по тому же принципу рассматривает вместе с кюяками

А про полубайданы автор и вовсе высказал спекулятивное суждение: «разновидность кольчуги с Ближнего Востока называлась байдана, а когда этот термин стал применяться для обозначения дорогих доспехов сверхвысокого статуса, то простые варианты стали называться полубайданами». Ограничивая свой анализ исключительно письменными источниками, действительно очень трудно добиться более четких выводов, особенно параллельно преодолевая разночтения в источниках Великого княжества Литовского и Польши»³.

Мы подходим к проблеме с разных сторон, с разными задачами. О.В. Шиндлер — оружейвед, плотно работает с артефактами, т.е. для него важно дать названия сохранившимся предметам. Оружейведение, как научная дисциплина, требует четкой классификации предметов по конструктивным особенностям. Использование в классификации исторических названий вполне допустимо, но всегда следует помнить, что в прошлом к классификации вооружения подходили с иных позиций, и исторические названия могли иметь другое значение, нередко меняющееся со временем. Я от деталей оружейведения далек, и мне важно, как

термины, встречающиеся в источниках, соотносить с реальными предметами или хотя бы с кругом предметов. За собственно изучение артефактов не берусь, предпочитая обращаться при необходимости к результатам работ специалистов.

Утверждение, что согласно моей статье, «калантари оказываются родственны байдамам, потому что в источниках они упомянуты рядом», не соответствует действительности. Там нет речи ни о схожей конструкции, ни даже о происхождении из одного региона⁴. Это мой принципиальный методологический подход — рассматривать термины в контексте характера источников, в которых они упомянуты. «Задонщина», «Казанский летописец» (где впервые упомянуты «калантари злаченые» и «байданы бессерменские») — это высокохудожественные произведения. Лаконичные летописные записи, где впервые упомянуты «пансыри» — это уже совершенно иной характер источника. Смотренные списки (где впервые упомянуты кюяки, бехтерцы с бармицами) это иной тип актового материала, чем духовные грамоты (где впервые названы бехтерцы и юшманы). Когда количество источников ограничено, то разбор источников должен быть как можно более глубоким и многогранным.

Хронологическое разделение «по первому упоминанию», приведенное в статье О.В. Шиндлера, по моему представлению является недостаточным, т.к. источники в ранний период «случайны». Ниже будут приведены примеры: «броня дощатая» во вставленном в Галицко-Волынскую летопись документе (завещании); «зброя

³ Там же. С. 36–37.

⁴ Комаров О.В. Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы. С. 20–21.

дошатая» в документе ВКЛ первой половины XVI в.; «доспех дощатый» по определению к ряду видов доспехов в описи казны Бориса Годунова; упоминание «шеломов» в большинстве летописей по отношению к отдельным людям; полуторавековой хронологический разрыв между первым упоминанием «брони» одного человека и началом широкого использования этого термина и проч.

Считаю методологически очень важным учитывать не только первое упоминание, но и последующие, различая источники того типа, в котором было первое упоминание, и источники иных типов. Нужно строго различать упоминание отдельного предмета, принадлежавшее конкретному человеку, и упоминание предметов вооружения по отношению к группе. Поэтому и заставляют задуматься факты, что «байдана и колонтарь» после Краткой Задонщины 1470-х гг. напрочь перестают упоминаться в качестве хотя бы относительно массовых доспехов; или что в 1556 г. кюяки и бехтерцы с бармицами не просто первый раз упоминаются в типе документов, которых раньше не было, но либо больше перестают упоминаться (бехтерцы с бармицей), либо среди огромного массива документов появляются вновь в следующем столетии при новом монгольском влиянии.

О.В. Шиндер упрекнул меня в том, что я «проигнорировал историографию вопроса» о типологии калантаря, «лишь вскользь упомянув мнение А.Н. Чубинского»⁵. Версию А.Н. Чубинского по калантарям я использовал, как мнение специалиста по оружейведению XVI–XVII вв., хорошо

знающего артефакты и историографию. В целом у этого исследователя нахожу наиболее близкий мне подход к оружейным терминам, основанный на принципе изучения того, как эти термины понимали современники. Чубинский, отмечая, что Висковатов неточно изложил подробное описание калантаря 1808 г., признает своеобразие конструкции единственного известного калантаря, отмечает, что его можно причислить и к варианту бехтерца, юшмана или зеркала. Поэтому и не видит причин выделять его в качестве отдельного типа кольчато-пластинчатых доспехов.

«Проблема калантаря» делится на два вектора. Первый (оружеведческий) — вычленив конструктивную специфику того доспеха, который в описи Оружейной палаты 1687 г. назывался «калантарем»; вычленив из массива дошедших до нашего времени кольчато-пластинчатых доспехов те, которые попадают под данную конструктивную специфику. Второй вектор — понять, что под «калантарем» понимали в России в XV–XVII в.? Второй вопрос лишь отчасти связан с тем, насколько точно у Висковатова описан и нарисован «калантарь», или насколько точно «калантарь» описан в 1808 г. И больше чем то, что в XVII в. по какой-то причине так назвали один конкретный кольчато-пластинчатый доспех, пока сказать не можем.

Проблема с артефактами в том, что мы очень редко знаем, как их называли при изготовлении. В моей статье было отмечено, что известны только 4 бехтерца и 3 юшмана, которые есть в описи Оружейной палаты XVII в., и мы можем соотнести их артефактами. Больше конструктивных описаний бехтерцов и юшманов даже

⁵ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 37.

на XVII в. почти нет⁶. Байдану знаем одну, соотносенную с описями и артефактами (и по ней есть вопросы — в зарисовках Солнцева другой предмет). И только еще одно краткое конструктивное описание байданы Бориса Годунова.

Вне Оружейной палаты, если не ошибаюсь, мы не знаем артефактов, про которые известны их оригинальные названия. Благодаря описи Оружейной палаты у нас есть немало предметов защитного вооружения, и мы можем знать, как они назывались в XVII в. Однако это единственное такое оружейное собрание, и мы не можем (или почти не можем) связать сохранившиеся предметы из других оружейных собраний XVII в. (Кирилло-Белозерского монастыря и др.) с описями XVII в. этих самых арсеналов. Более того, предметы XVI в. в описях Оружейной палаты XVII в. вполне могли именоваться иначе, чем их называли при изготовлении или покупке (если речь об импорте).

Поскольку опись Оружейной палаты атрибутирует десятки разнообразных зеркал, панцирей и кольчуг, то уже можно понять, что под ними понимали в Москве в XVII в. С бехтерцами и юшманами уже сложнее, так как указанные образцы конструктивно очень близки друг другу, что не дает расширенного представления о «бахтерце» и «юшмане» — известные артефакты кольчато-пластинчатых доспехов конструктивно несравненно более разнообразнее. Так кольчато-пластинчатый доспех с мелкими пластинками и рукавами в современном оружейноведении обычно относят к бехтерцам («бехтерцы восточного типа»), хотя все 4 описанных бехтер-

ца безрукавые и имеют боковые разрезы (встроенные рукава принципиально влияют на конструкцию, т.к. допускают только осевой разрез). А, как отмечено в моей статье, по определению Саввавитова, который использовал еще опись казны Бориса Годунова (где отмечались юшманы с «широкими досками» и юшманы с «мелкими досками»), доспех с мелкими пластинками и рукавами относится к юшманам⁷. При наличии одного артефакта, как с калантарем и байданой, становится совсем сложно говорить, чем именно отличали их от других доспехов, соответственно кольчато-пластинчатого и кольчатого типов. Тем более, из источников хорошо видно, что если в XVI–XVII вв. бехтерцов и юшманов существовало одновременно огромное число, а «байдана» и «калантарь» известны одновременно только в 1–2 экземплярах, и далеко не у рядовых воинов. Оружиеведы вправе выделять часть кольчато-пластинчатых и кольчатых доспехов в «калантари» и «байданы», но это в любом случае будет условность — при изготовлении или покупке их скорее всего называли по-другому.

В статье приведено мнение Д.Е. Будзенкова, что этимологией доспешных терминов следует заниматься в первую очередь лингвистам⁸. Я всецело поддерживаю это мнение, хотя, разумеется, окончательные выводы должны проистекать из изысканий специалистов разного профиля. Обобщение О.В. Шиндлера в своих статьях вариантов этимологии только поддерживаю.

Вопрос с «полубайданой» уже входит в вопрос лингвистики. Для понимания

⁷ Там же. С. 19–20.

⁸ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 36.

того, что в России XVI–XVII вв. могли понимать под предметом с приставкой «полу-», следует обратиться к примерам. Согласно И.И. Срезневскому, обычно это означало «половина», и лишь слово «полубрюкиш» выбивается из ряда⁹. Однако среди предметов торговли по документам XVII в. можно увидеть: «золото и серебро низшего сорта: полузолотье и полусеребрье», различали сорта сукна брюкиш (брюггское), полубрюкиш, аглинское, полуаглинское; кармазинное, полукармазинное¹⁰. То есть «полу» мог означать «упрощенный, удешевленный вариант». В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» есть много примеров слов с «пол-»¹¹. Основное значение — «половина». Встречается значения — укороченный (например, «полукафтан», «полуголенки», «полутелогрейка», «полумантия», «полуключье», «полупика», «гвозди полуприбойные», «гвозди полускаловые», «гвозди полутесовые»), уменьшенного размера («полукарета», «полувешнячье», «полубусье», «полукаторгина», «полукорабелье», «судно полусоемное», «полуковерье», «полулещ», «полумиска», «полупистоля», «полурыбник»). «Полукодолье» — канат менее тонкий, чем «кодол». «Полусиний» — светло-синий. «Полусенчатый» — полуматовый. Человек, ниже рангом — полуголова, полумастер, полуполковник и пр. Однако есть слова, обозначающий «упрощенный». «Полпиво» — менее крепкое

⁹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902. С. 1139–1148.

¹⁰ Костомаров Н.И. Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 203, 257, 260.

¹¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990. С. 189–283.

пиво. «Полуверие» — искаженное верочение. «Полуимья» — имя в уменьшительной или унижительной форме, прозвище. «Полукрупчатая мука» — мука менее тонкого помола, чем крупчатая. «Полуситок» — редкое и дешевое сито. «Полуалександрия» — бумага, сортом ниже «александрии». Ткани пониженного качества, имитация: полуаксамит, сукно полуаглинское, полуатлас, полубайка, полубарбарель, полубархат, тафта полувиницейка, полукамка, сукно полукармазин, полукарновое сукно, полукеджа, полукушачье, полотно полумиткальное, полусая, полуучастковый, полушарлат, полупелюшница, полуперстный. «Полузолотье» — нечистое золото. Есть также «полузолотье», «полусеребье» — пряжа, содержащая, золотые / серебряные нити. Но по смыслу — это упрощенная золотая / серебряная пряжа (*«много обманы бывают шапками продают за чистое золото, а нашито полузолотьем, или медью»*¹²). Хотя по отдельности далеко не все приведенные слова имеют подтвержденное определение, но основные значения употребления приставки «полу-» видны.

Возможно, лингвисты найдут еще значение. Таким образом, если вариант «укороченная байдана» к «полубайдане» не подходит, то и выходит «байдана упрощенной конструкции». Поскольку мы точно не знаем, какие конструктивные особенности выделяли «байдану» из других кольчатых доспехов, то с «полубайданой» становится еще сложнее, т.к. атрибутированных артефактов нет, один раз только

¹² Фигуровский Н.А. Об одном старинном русском сборнике химических рецептов // Труды института истории естествознания. Т. 2. 1948. С. 261.

встречается краткое конструктивное описание, которое будет упомянуто ниже.

«Полубайдана», в отличии от «калантаря» и «байданы», хоть и упоминается нечасто, но она предстает «обыденным доспехом», который можно было встретить не только у людей сверхвысокого статуса (тоже можно сказать про «зобанцы», «чижы», «шестерни» и др. доспехи, которые единично упоминались в источниках XVII в.). Опять же, редкое упоминание может означать, не то, что доспехи данной конструкции были большой редкостью, а что чаще их называли более общеупотребительными терминами.

«Проблемой» для оружейведения в описаниях предметов вооружения XVI–XVII в. в том, что там в первую очередь описываются оформление (золочение, инструкция и пр.). При изучении конструкции доспехов из подобных подробностей можно уверенно сделать вывод наличие или отсутствие ткани. О конструктивных элементах мы часто узнаем именно по описанию их оформления. Часто упоминается вид металла (булат, сталь, железо, медь) и территориальный эпитет. «Техническое» описание конструкции предмета реже всего встречается. И это наглядно показывает подход «оружиеведения» того времени.

Чтобы наглядно показать необходимость многоуровневого подхода к изучению источников в условиях их дефицита, можно произвести разбор отдельных моментов в статье О.В. Шиндлера. Это тем более наглядно, что сам автор придерживается принципа изучения первоисточников, на которых основывались труды оружейников. И он сам нашел много примеров некорректного использования перво-

источников, из-за которых необоснованно делались категоричные выводы — для этого достаточно почитать статьи О.В. Шиндлера и его заметки в интернете. Тем не менее, изучение источников — работа долгая, постоянно сталкивается с методологическими проблемами.

Ниже будут разобраны давние утверждения оружейников, отраженных в статье О.В. Шиндлера: «броня — это наименование кольчатого доспеха», «первое упоминание шелома», «первое упоминание мисюрки», «прилбица», «первые упоминания панциря», «изменение соотношения шеломов / шапок на смотрах 1556 и 1577 г. говорит об изменении типов шлемов», «шапки бумажные». Также на примерах будут задеты некоторые методологические вопросы: использование высокохудожественных произведений, проблемы «первых упоминаний», вопросы статистического обобщения упоминаний.

Территориальные оружейные эпитеты. Территориальные наименования предметов вооружения не обязательно говорят о том, что предмет был сделан в таком-то регионе. Точнее, с определенного периода появились предметы вооружения «на такое-то дело», т.е. говорится о типе, а не о месте изготовления. Один из ранних примеров может служить явочная челобитная 1578 г., согласно которой у одного суздальского островщика взяли «двои ножи угорские на нагайское дело с костми»¹³. Это при том что обычно говорится в документах о «ножах угорских» и «ножах нагайских». А в данном случае

¹³ *Маштафаров А.В.* Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // *Русский дипломатический альманах*. Вып. 9. М., 2003. С. 276–277.

видно, что «нож угорский» мог означать не только нож, сделанный в Венгрии (хотя может имелось в виду, что клинок был импортный «угорский», а рукоять была сделана по-нагайски). Соответственно, если нет прямого указания об импорте, или о том, что предмет сделан «на дело», то затруднительно говорить об его происхождении (хотя, судя по всему, обычно речь шла об импорте).

Если в документах «территориальное» наименование вооружения можно понимать, как достаточно точное, то схожие термины в таком высокохудожественном произведении, как «Задонщина» (и «Слово о полку Игореве»), требуют другого подхода. «Территориальные наименования» предметов вооружения характерны и для средневекового эпоса Западной Европы (те же «русские кольчуги» во французском эпосе, которые давно подмечены в оружеведческой литературе¹⁴, но не подтверждены иными источниками). К такому источнику необходимо прилагать литературное исследование. Так, использование «территориальных наименований» могло подчеркивать масштаб событий, точно так же как перечисления «противников из разных стран и народов». Разумеется, такие обороты могли отображать реальный импорт или реальные «образцы для подражания». Но это мог быть и литературный конструктив.

В своей статье О.В. Шиндлер обозначил термин «шеломы немецкие» из Краткого списка «Задонщины»¹⁵. Краткая редакция известна по более раннему

списку, чем Пространная (XVI в.). Краткая и Пространная редакции независимы друг от друга, но обе восходят к несохранившейся Первоначальной редакции¹⁶. В Пространной редакции в соответствующем фрагменте употреблены выражения «шеломы черкасские», «сулицы немецкие»¹⁷, (в Краткой редакции «сулицы» упущены). Т.е. «немецкие шеломы» могли быть конструктивом (совмещение двух терминов) Краткой редакции относительно Первоначальной редакции. Иначе говоря, на основании этого источника сложно говорить о бытовании «шеломов немецких» в XIV–XV вв. В последующем известны только «шапки немецкие и английские» в казне Бориса Годунова.

Щиты. В статье О.В. Шиндлера сказано, что этот термин «встречается нечасто»¹⁸. Если буквально посчитать количество упоминаний щитов в источниках XV–XVI вв., после «Задонщины», то редкими их назвать нельзя. «Рында у щита» назван в росписи рынд Симеона Бекбулатовича в 1577 г.¹⁹ Три щита названы в описи имущества Бориса Годунова в 1589 г.²⁰ По одному щиту упоминают-

¹⁶ Соколова Л.В. Первоначальна ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // ТОДРЛ. Т. 62. СПб., 2014. Благодарю М.А. Несина за то, что указал мне на эти наблюдения Л.В. Соколовой.

¹⁷ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 100, 115, 128.

¹⁸ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 39.

¹⁹ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 2. Ч. 2. М., 1982. С. 440.

²⁰ Савваитов П.И. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. СПб., 1865. С. 33–34.

¹⁴ Архциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. М., 1946. С. 16.

¹⁵ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 41.

ся в духовных Плещеева 1558/59 г.²¹, Е.В. Бибикова начала 1580-х гг.²², в духовной А.Т. Михалкова 1586/87 г.²³; два стальных щита упоминается в духовной И.М. Глинского в 1586 г.²⁴ Во вкладных книгах Троице-Сергиева монастыря два щита упоминаются под 1544 г.²⁵ и один щит в конце XVI в.²⁶ «Булатен щит» упоминался среди подарков из Крыма в 1508 г.²⁷ Три щита значатся среди отнятых в Литве товаров тверских купцов в 1490 г.²⁸ То есть только в документах можно насчитать 16 щитов. В летописании XV — первой половины XVI в. щиты упоминаются среди вооружения при обороне города²⁹ и среди вооружения «черных людей»³⁰, дважды упоминается оборот «щита не держали»³¹, т.е. не сопротивлялись и один раз — «емлеш щит, а подымаешь копие»³², т.е. готовишься к войне. В таком высокохудожественном произведении как «Казанский летописец», щиты неоднократно названы обычным предметом вооружения русских воинов в середине XVI в. (высокий стиль произведения включал такой прием, как архаизм — типичным

оружием назывался и меч; тут виден явный отрыв реальности от художественного описания, но с другой стороны — это наглядный пример, что при ведении статистики нужно строго различать стили источников).

Количество упоминаний щитов окажется не таким редким если сравнить с количеством упоминаний в документах XV–XVI в. юшманов (около трех десятков, из них 14 — в описи казны Годунова), куяков (пять), кольчуг (около десятка, не считая описи казны Годунова), наручей (около шести десятков). При этом по факту к середине XVI в. щиты в русской коннице сохранились только у отдельных военачальников. Это наглядный пример того, что просто подсчет количества упоминаний может сильно исказить реальную картину.

Куяк. О.В. Шиндлер неверно обозначил количество упоминаний куяков: «*Всего за XVI–XVII вв. зафиксировано около десяти случаев упоминания куяков*»³³. Если в XVI в. (1556 г.) упомянуто 5 куяков, то в XVII в. даже у русских куяк упоминается чуть ли не как самый распространенный доспех. Известно 6 куяков, присланных в подарок в Москву от монгольских правителей и шаха только в 1630-х гг.³⁴ С середины XVII в. только в опубликованных документах можно насчитать несколько куяков, принадлежавших знати или их людям. Во второй половине XVII в. куяки массово изготавливались для парадов при встрече послов. Т.е. после перерыва во второй половине XVI в. куяк стал относительно массовым доспехом русских

²¹ АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. С. 280.

²² Там же. С. 394.

²³ АСЗ. Т. 2. М., 1998. С. 257.

²⁴ Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб, 1895. С. 64.

²⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 87.

²⁶ Там же. С. 56.

²⁷ Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887. С. 41.

²⁸ Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882. С. 45.

²⁹ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 272.

³⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 621.

³¹ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 190; ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 45.

³² Лурье Я.С. Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре» // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 292–293.

³³ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 43.

³⁴ Савваитов П.И. Описание. С. 60–61.

людей вначале в Сибири, а затем и в Европейской России.

В моей статье такой перерыв в употребление термина «куяк» (при достаточно большом объеме и разнообразии документов) объяснен тем, что соотнесенные списки 1556 г. зафиксировали не первое упоминание «куяков», а завершение первого периода бытования этого термина в России³⁵. Даже в «Уставе пушечных дел», где были использованы почти все русские и польские обозначения доспехов и шлемов («збруя, латы, панцири, бахтерцы, юмшаны, карацыны, оплечья, рукава, баданы, наручьи, шорги, зерсары, шапки, шеломы, шишаки, прибилицы, башалыки»), «куяки» не названы³⁶, но в то же время русские документы называли «куяки» у калмыков в Сибири³⁷. Больше попыток объяснить этот «перерыв» я не замечал. У О.В. Шиндлера написано: *«термин куюк следует рассматривать как вероятное калмыцкое заимствование и след монгольского влияния на военное дело»*. Это традиционное мнение, но на середине XVI в. о «калмыцком влиянии» говорить не приходится. Тут можно говорить о двойном терминологическом влиянии: вначале монгольском (ордынском), а затем калмыцком, вернувшем термин в широкий обиход.

Броня и доспех. В статье повторно утверждение, что «броней» называли кольчатый доспех до XV в.³⁸ Это пред-

³⁵ Комаров О.В. Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы. С. 18.

³⁶ Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. 2. СПб., 1781. С. 7.

³⁷ Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. М., 1959. С. 54.

³⁸ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 41.

ставление восходит к А.В. Архциховскому. Основывалось оно на том, что в древнерусских летописях использовался этот термин, а археологически доспехи были представлены кольчугами³⁹. Однако с того времени археологическое представление о типах русских доспехов принципиально расширились.

Также следует отметить, что после первого упоминание «брони» одного конкретного воеводы под 968 г. в летописи наступил перерыв, пока под 1111 г. не появился оборот «облачились в брони» в значении «приготовились к бою»⁴⁰. Затем «броня» в летописании XII в. упоминалась неоднократно как по отношению к воинской группировке, так и по отношению к отдельному человеку. Такая форма упоминания «брони» может показывать ее широкое бытование к XII в.

Вытеснение термина «броня» термином «доспех» в источниках совсем не отображает смену типа доспехов. Впервые «доспех» появился в киевском летописании в конце XII в., под 1185 и 1193 гг. (в значении «быть в доспехах» — «быть в боеготовности»). В новгородском летописании под 1340 и 1343 гг. употреблялся термин «броня»⁴¹, под 1359 и 1360 гг. — «доспех»⁴². «Доспех» упоминался в «Хождении Стефана Новгородца», составленном в 1348–1349 гг.⁴³ Новгородские берестяные грамоты, в которых упоминалась «броня» (№ 138, 332, 750), датированы не позднее первой половины

³⁹ Архциховский А.В. Русское оружие X–XIII вв. М., 1946. С. 8, 16.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 2. СПб., 1908. Стб. 266.

⁴¹ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 353, 357.

⁴² Там же. С. 366, 367.

⁴³ Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984. С. 268

XIV в. В летописании Северо-Восточной Руси с 1371 г. употреблялся «доспех», а до этого, в последний раз под 1220 г. — «броня»⁴⁴. В документах «доспех» впервые упоминался в завещании Дмитрия Донского, составленном около 1375 г.⁴⁵ В Казанском летописце «броня» употреблялся наравне «доспехом», но это была специфика высокого стиля произведения.

В актовом материале Великого княжества Литовского XVI в. под термином «броня» скрывается понятие «вооружение вообще». Так в описи Черкасского и Каневского замков в 1552 г. главы «*бронь замковая*» описывают артиллерию⁴⁶. Московский Бронный приказ в XVI в. ведал производством как защитного вооружения, так и ручного наступательного оружия.

В «Галицкой» части Галицко-Волынской летописи не встречаем слов «броня» или «доспех», не смотря на все красочные образы, которые использованы для описания воинов. Из доспехов есть упоминаются только «татарские» «*ярыцы*» и конские «*кояры*»⁴⁷. В «Волынской» части употреблялся термин «доспех», но именно там встречается термин «броня дощатая»⁴⁸. Характерна, что присутствует она не в летописном повествовании, а в помещенной в летописи документе (завещании). Если бы не это «случайная» вставка, то мы увидели термины «*зброя дощатая*»⁴⁹ и «до-

спех дощатый»⁵⁰ только в XVI в., да и то единично.

Панцирь. В статье О.В. Шиндлера взято у А.Н. Кирпичникова, что «пансырь» впервые упомянут под 1472 г. в Никоновской летописи и под 1476 г. в Псковской летописи⁵¹. О.В. Шиндлер сделал резонное замечание, что Никоновская летопись — памятник XVI в., и здесь может предполагаться поздняя вставка. Но эта запись (речь, что у плененных пермских князей взяли «*три пансыри, да шолом, да две сабли булатные*») изначально была в Московской летописи⁵², включавшей в себя летописный свод 1479 г.

Важно указать не только первое упоминание панцирей в летописях, но и в документах: духовная князя Андрея Федоровича Голенина (до 1482 г.), где они названы вместо с «шеломами» у людей князя⁵³. Это древнейшая духовная грамота Северо-Восточной Руси в котором упомянуто вооружение (после грамот московских князей XIV в., где упоминались «сабли» и «доспех»). С 1489 г. «пансыри» стали упоминаться и в посольских документах⁵⁴.

В статье со ссылкой на книгу М.Ю. Бохана сказано, что термин «*panzer*» появился в литовских документах в начале XV в. Однако там приведет документ Тевтонского ордена, а собственно литовский документы «панцыри» упоминают с третьей четверти XV в.⁵⁵, т.е. синхронно Москов-

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 117, 187.

⁴⁵ ДДГ. М.; Л., 1950. С. 25.

⁴⁶ Архив Юго-Западной Руси. Ч. 7. Т. 1. Киев, 1886. С. 79, 93–94.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 814.

⁴⁸ Там же. Стб. 904.

⁴⁹ Акты Виленской археографической комиссии. Т. 17. Вильно, 1890. С. 243.

⁵⁰ Савваитов П.И. Описание. С. 37.

⁵¹ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 39.

⁵² ПСРЛ. Т. 25. С. 297.

⁵³ АФЗиХ. Ч. 2. С. 18.

⁵⁴ Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884. С. 79.

⁵⁵ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. Минск, 2002. С. 76–77.

ской и Псковской летописям. Стоит обратить внимание на упоминание М.Ю. Боханом службы «с кушею у панцерю с осеичем и прилбицою» в 1469 г., что можно принять за первое упоминание «панциря» в литовских документах. Но если обратиться к ссылке⁵⁶, то увидим, что это «*плохой перевод с латинского оригинала*», сделанный во время судебного разбирательства в 1518 г. В оригинале должна была стоять «logica» (и, соответственно, этот документ нельзя считать примером раннего упоминания «прилбиц» в источниках ВКЛ).

Разнообразие источников и регионов, где упоминался «панцирь» в последней трети XV в. говорит, что термин стал распространяться по просторам русских земель уже в первой половине столетия.

Шелом. В статье из работы Ленца взято утверждение, что «шелом» впервые упомянут «в Слове о полку Игореве»⁵⁷. «Шелом» («шолом») впервые упоминается в летописи под 1151 г. в описании битвы на Перепетовом поле, где они описаны у князей Андрея Боголюбского и Изяслава⁵⁸. Затем «шолом» упомянут у князя Игоря Святославича под 1185 г.⁵⁹ В «Слове...» впервые шеломы упоминаются как массовый предмет, у русского войска в целом. В древнерусской переводной литературе («Хроника Георгия Амартола», библейские тексты) встречается «шлем»⁶⁰,

но в «Иудейской войне» использовался термин «шелом». В Галицко-Волынской летописи шеломы упоминались несколько раз, как у отдельных воинов, так и при описании вида войска. В залесском и новгородском летописании «шеломы / шоломы» не встречались до XV в., что можно назвать одним из примеров того, что многие термины вооружения в ряде источников упоминаются «случайно».

Конструкция шелома. Редкий пример шлема ранее XVII в., который мы можем видеть и знаем, что современники называли его «шеломом» — шлем царевича Ивана Ивановича, на нем есть надпись, которая говорит, что это «шелом», что изготовлен в 1557 г. для царевича Ивана⁶¹. Это был высокий шлем со шпилем и бармицей.

Некоторые документа говорят о конструкции «шеломов» на рубеже XVI–XVII вв. В 1610 г. в Троице-Сергиев монастырь был сделан вклад: «*шеломшко, бывал с наводом, ветчан, без ушей*»⁶². В описи шеломов Бориса Годунова есть некоторые подробности внешнего вида⁶³. В основном они говорят об оформлении. Поскольку «уши» упоминаются только при описании их оформления («*шолом шамохейской; травы наведены золотом; венец серебрян, золочен; искорки по венцу яхонты и берюзы, а по ушемъ также; городок серебрян золочен*», «*шолом черкасской, молевой через грань косую, наведен золотом; венец и уши наведены золотом*», «*шолом московской, прямые грани; через грань золотом наведен; уши шамохейские*

⁵⁶ Литовская метрика. Т. 1 // РИБ. Т. 20. СПб., 1903. Стб. 1285–1287.

⁵⁷ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 38

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 438–439; ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Л., 1927. Стб. 334.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 642.

⁶⁰ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912. С. 1597.

⁶¹ Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. Т. 3. М., 1853. С. 10.

⁶² Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 242.

⁶³ Савваитов П.И. Описание. С. 34–36.

наведены; кайма и пупыши наведены ж золотом; венец в городок медян, золочен; в венце гвоздь серебряно горожато»), то это говорит о достаточной типичности этого элемента (про именной шлем Годунова: «шолом железной, наведен золотом, недоделанъ.... ушей и городка нет»). «Нос» и «затылок» упоминаются именно как наличие («шолом кизылбаской, с носом и с затылком... уши с пупыши писаны золотомъ по червчатой земле», «шоломъ черкаской с носом...венец и грани и уши писаны травы золотом», «шолом кизылбаской...уши серебром обиваны... затылок серебрян золочен»).

То есть о конструкции «шеломов» мы знаем только вид одного шлема 1550-х гг. и то, что на рубеже XVI–XVII вв. в конструкции «шеломов» обязательно были «уши» и «городок», могли быть «нос» и «затылок».

Шапки железные. По «шапкам» нет даже хотя бы отдельных конструктивных описаний. Как на этом основании понять различие «шелома» и «шапки» для людей XVI в.? Если обратиться к XVII в., то там «шапки» (мисюрские, ерихонские, кирисные, немецкие, калмыцкие и пр.) имеют самую разнообразную форму, в т.ч. ту, которую в оружейведении называют характерной формой шелома — высокий заостренный купол (например, шапка ерихонская).

В статье О.В. Шиндлера в осторожной форме отражен тезис А.Н. Кирпичникова, что между смотрами 1556 и 1577 гг. произошло удельное изменение типов шлемов (увеличение числа «шапок железных») ⁶⁴. Если посчитать Каширскую

десятью 1556 г., то там будет 25 «шеломов», 25 «шапок железных», 2 «шапки мисюрские» и 1 «шапка медная» (в т.ч. у холопов 9 «шеломов» и 11 «шапок»); в Боярской книге — 162 «шелома», 88 «шапок железных», 55 «шапок медных и бумажных», 1 «шапка турецкая» (в т.ч. 120 «шеломов» и 71 «шапка железная» у холопов); в Коломенской десятне 1577 г. — 84 «шелома» и 173 «шапки» (в т.ч. у холопов — 10 «шеломов» и 87 «шапок»), Рязжской десятне 1579 г. — 7 «шеломов» и 21 «шапка» ⁶⁵. Следует отметить, что в Боярской книге иногда встречается оборот «в шеломах и шапках железных», т.е. подсчет не может быть столь точным. Но в целом вроде наглядно видно, что шлем типа «железная шапка» стал вытеснять «шелом». Однако уже то, что мы не знаем, как различали «шеломы» и «шапки», то сложно говорить, как изменились типы шлемов (при том что могли меняться сами «шапки» и «шеломы»). Видно, что в среднем «шапка железная» была менее статусным шлемом, чем «шелом»; и у коломенских помещиков было такое же соотношение шеломов/шапок, как и у каширских, за два десятилетия до этого. Т.е. даже на формальном принципе шеломы / шапки не видно изменений у «авангарда военной моды» — средних помещиков.

Изначально в смотренных записях писали просто «в доспехе», не упоминая шлемов. Только под 1554/55 г. (отмеченные в Боярской книге смотры Польского похода и «в Свяжске на году») в ряде случаев видны записи «люди в доспехех и

⁶⁴ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625. С. 44.

⁶⁵ Фатеев Д.М. Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–79 гг. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Ч. 1. Великий Новгород, 2002. С. 147–154.

шеломах», «без шелома», «в шапке железной» (получается, что первое упоминание «шапки железной» относилось не к 1556, а к 1555 г. — она дважды упоминалась в «Свижяске на году 7063 г.»). Таким образом, в 1556 г. система записи шлемов только начала формироваться.оборот «без шелома» подразумевает родовое значение «шелома» (так же как «без доспеха» означает родовое значение относительно видового: пансыря, бехтерца). Однако уже изначально при описании наличия шлема строго делили на «в шелома» и в «шапке». Неясно, как эта градация происходила: по каким внешним признакам, и / или особенностям конструкции.

Разница между частотой упоминаний «шеломов» и «шапок» в 1556 г. и 1570-х гг. может означать не отражение изменения использования типов шлемов, а изменение к подходу записи. Среди разнообразного значение «шапок железных» могло быть и «шлемы упрощенной конструкции», кои широко использовали ратные холопы.

Следует отметить первое упоминание «шапок железных» в духовных грамотах. Иван Васильев сын Мечова 1567/68 г. завещал из вооружения брату «пансырь, да шапка железная», а двум другим братьям «по тегляю по киндячному да по шапке по железной»⁶⁶. Затем «шапки железные» несколько раз встречались в духовных и вкладных грамотах. Отдельно следует упомянуть, что в духовной Семена Васильева сына Степанова 1569/70 г. называются заложенные в 15 рублей «шапка сажена да пансырь»⁶⁷. Здесь «сажена» можно перевести как украшенная, «усаженная чем-то».

Первое упоминание в документах, помимо смотренных списков, «шапок» в качестве шлемов — духовная Плевцева 1558/59 г., где шлемы обозначены «шапками мисюрскими и шеломами»⁶⁸. Это грамота сохранилась в подлиннике, т.е. исключена возможность позднего искажения. Однако примечательно отсутствие оборота про «шапки железных», и в целом настораживает, что в духовных до 1567/68 г. нет упоминаний о них, хотя к тому времени в них отмечено порядка трех десятков «шеломов», в т.ч. у «людей». В связи со всем этим, сложно сказать были ли «шапки железные» к 1555 г. устоявшимся термином, или он только начал входить в широкий оборот.

Мисюрки. В статье О.В. Шиндлера традиционно «шапки мисюрские» XVI в. рассматриваются как классические мисюрки⁶⁹. Однако по XVI в. они известны только в Каширской десятне 1556 г. и духовной Плевцева 1558/59 г. В источниках после Смуты «шапки мисюрки», «шапки мисюрские» и «мисюрки» в источниках известны широко, и являются синонимами. Однако термин «мисюрка» появился в Польше, и оттуда (вместе с «шишаком») прибыл в Россию, в результате чего «классификация шлемов» в XVII в. в целом изменилась. В связи с этим, возникает вопрос, насколько термин 1550-х гг. правильно соотносить с поздней терминологией, а не ставить в одном ряду с «шапками турецкими, черкасскими, английскими, немецкими» из источников XVI — начала XVII вв.? Притом, что, согласно работам М.Ю. Бохана, и в ВКЛ в 3-й четверти XVI в. термин «мисюрка»

⁶⁸ Там же. С. 280.

⁶⁹ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 43.

⁶⁶ АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956. С. 347.

⁶⁷ Там же. С. 391.

не зафиксирован. Таким образом, термины «мисюрка» и «шапка мисюрская» требуют такой же работы, как проделал О.В. Шиндлер по термину «шишак»⁷⁰.

Шапки бумажные. В статье приведено мнение оружейников XIX в., что «шапками бумажными, или шапками куячными, называли шлемы монгольского или калмыцкого происхождения»⁷¹. Однако «шапки бумажные» упомянуты только в Боярской книге 1556 г., а те три артефакта, которые оружейники называли «шапками бумажными», в документах Оружейной палаты значатся «шапками куячными», и относятся не раньше, чем к XVII в., к дарам правителей монгольских народов⁷². Т.е. те предметы, которые принято называть «шапками бумажными», так не назывались, а «шапки бумажные» из Боярской книги не могли иметь генетической связи с «калмыцкими шапками куячными». Соответственно, совершенно нет представлений об их внешнем виде и конструкции.

Прилбица. У А.Н. Кирпичникова про древнерусскую «прилбицу» сказано: «Возможно, под железную тулью надевались волчьи или барсучьи прилбицы, первые упоминаемые под 1169 г. Прилбица, следовательно, являлась меховым подшлемником. В московское время прилбица представляла собой уже вид шишака»⁷³.

⁷⁰ Шиндлер О.В. К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа // История военного дела: исследования и источники. Т. X. 2018. С. 163–187.

⁷¹ Шиндлер О.В. Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. С. 44.

⁷² Курбатов О.А. Армии эпохи Ренессанса. Ч. 4 // Сержант. 2007. № 2 (39). С. 38.

⁷³ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971. С. 31.

Как и в прочих случаях, стоит обратиться к первоисточнику. В Ипатьевской (Галицко-Волынской) летописи под 1241 г. описывается как у слуг перемышльского епископа «тоулы ихъ бобровье раздра, и прилбичье ихъ волчье и борьсоуковые раздраны быша»⁷⁴. Тут ясно только то, что «прилбицы» делали из волчьих и барсучьих шкур. При этом не факт, что под «тулами» здесь подразумевали именно колчаны, а не, например, ташки. Упоминание именно изделий из шкур бобра, волка и барсука разъяснено там же — для создания аллегории (приведена библейская цитата: «буесть дому твоего скрушиться, бобр и волк и язвецъ снedyться»). Т.е. у слуг могли быть и другие вещи, но названы именно меховые. Однако по контексту не видно, что речь шла о вооруженном сопротивлении, т.е. нет оснований относить названные вещи к предметам вооружения. Не берусь судить о самой возможности использовать волчьи и барсучьи шкуры в качестве подшлемников.

В новгородской берестяной грамоте конца XIV в.⁷⁵ «прилбица» упоминается вне контекста, что это был за предмет, был ли связан с предметами вооружения или чем иным.

Под 1172 г. описывается поход торчского князя Михаила Юрьевича на половцев. В сражении половцы «потяша и стяговника нашего, и чельку стяговую сторгоша стяга», «Володиславъ же замысли взяти стяг Михалков, и натъче на нь прилбичю»⁷⁶. Это же событие в Лаврентьевской летописи описывается под

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794.

⁷⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М, 2004. С. 632–633.

⁷⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 558.

1169 г.⁷⁷, почему эта дата и появилась в работе А.Н. Кирпичникова. Т.е. по описанию половцы сбили «челку» с русского стяга, но Владислав взял этот стяг и надел на него «прилбицу». И.И. Срезневский на основании этого сообщения и упоминания «чръленной чолки» в контексте «стяга» в «Слове о полку Игореве», делает вывод, что речь идет о кисти на знамени, бунчуке⁷⁸.

Само по себе слово связано словом «лоб», т.е. возможные значения ограничены. В западнославянском языке «прилбица» означала шлем или разновидность шлема, и из польского языка в этом значении попала в русский язык. И.И. Срезневский, не разбираясь, привел два указанных летописных сообщения, дав значение «шлем». «Меховой шлем» явно отдает алогизмом, из-за чего и было сделано предположение, что речь идет о подшлемниках. Однако по сути это компромиссный вывод, дабы не отдаляться от значения «шлем». И почему «подшлемник» был использован в качестве импровизированного бунчука? Уж больно невыразительная вещь в этом случае получается была выбрана. Однако, слово «прилобница» по смыслу приемлема и для «шлема», и для «подшлемника», и для «шапки», и для «налобника», для «меховой опушки головного убора», то можно увидеть и более подходящие варианты. Существует версия, что Всеволод надел на верхушку налобник-иконку с шлема («прилбицы» 1241 г. могли иметь иное значение, однако если бы в данном случае была иконка, то летописец обозначил

бы ее именем святого, как это было сделано по отношению к шлему Изяслава из сообщения 1151 г.). Таким образом, наиболее вероятным древнерусским значением «прилбицы» можно считать «меховая опушка шапки».

В условиях дефицита материалов использование дополнительного источника может существенно менять картину. И это особенно наглядно показывает, что спешить с выводами на основании одного источника всегда преждевременно. Выше уже был приведен пример, что существенно меняются определение «бехтерца» и «юшмана», если использовать не только опись 1687 г., но и опись казны Годунова.

В статье упущен такой важный источник, как опись имущества Михаила Татищева в Новгороде 1608 г., хотя О.В. Шиндлеру он хорошо знаком. Среди личной «служилой рухляди»: «доспех зобанец, бархат зелен, цена 10 рублей», «пансырь без ожерелья; цена 20 алтын; шапка черкаская, с кольцы, мишени резаны золочены, цена 20 алтын»⁷⁹. Это единственно упоминание «шапки черкасской». «Зобанец» — еще один очень редкий в упоминания доспех. Из описания понятно, что конструктивно включал ткань. Единичные упоминания «зобанцев» есть в документах царствования Михаила Федоровича. В 1629 г. доспешный мастер Федор Кистенников представил государю доспех (зобанец), который Михаил Федорович попытался пробить выстрелом из пищали: «государь тем зобанцом тешил-

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 360.

⁷⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря... Т. 3. С. 1487.

⁷⁹ Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. Кн. 8. 1850. С. 9.

ся ис пищали, да не пробил»⁸⁰. Т.е. можно понять, что зобанец мог обладать пулестойким качеством. Из всего этого можно предположить, что это была разновидность бригантины.

В описи Кирилло-Белозерского монастыря (далее — КБМ) первой половины XVII в. упоминаются о выдаче «из оружейной казны на государеву службу» «9 латы, 3 бахтерца, 2 зобанца, 2 бармицы», «3 полубаданья с целым облым кольцом, кольчуга с целым же облым кольцом, 3 полубаданья на гвозде, одно с печатью медною, пансырь з долом с целым кольцом, а другой с целым плоским кольцом в три долинки обышней, 3 пансыри аглинских с целым плоским кольцом с медною опушкою, четвертой пансырь таков же без опушки обышней, 3 чижовии с целым кольцом одна без опушки, да московских обышных 36 пансырев, 9 чижовок обышных, да 3 пансыри обышных, 3 пансыри с плоским кольцом да мало больших кольцом чижовок»⁸¹.

Здесь единственный раз, кроме смотренного списка 1556 г., упоминаются рядом с корпусными доспехами «бармицы» (причем перед кольчатыми доспехами). Видим загадочные «чижовки» и «зобанцы». Кроме того, в описи КБМ первой половины XVII в. мы видим единственное конструктивное описание «полубайдан». Причем у них «облое», т.е. круглое кольцо (из несплющенной проволоки), что противоречит классическому определению

нию байданы. И непонятно, чем кольчуга с таким же конструктивным описанием отличается от полубайданы. Также можно заметить, что версия о конструкции полубайданы из разнородных колец противоречит данному описанию. Некоторые панцири описываются с «плоским кольцом», т.е. подразумевается, что они могли быть и не плоскими, вопреки классическому оружейведческому определению панциря. Во вкладном документе 1586 г. упоминается «пансырь воблой»⁸², т.е. прямое указание на круглое кольцо.

Примечательно, что уже в описи 1668 г. в арсенале КБМ значилось 70 панцирей, 7 бехтерцов, 10 лат, 2 «нагавицы кольчужные», «четыре наплечника железных, дощаных на концах», 32 шишака, 3 шапки мисюрки, 37 шелома⁸³. Таким образом, складывается картина, что все прежнее разнообразие кольчатых доспехов КБМ первой половины XVII столетия уже во второй половине того же века стали обозначать просто «пансыри». При этом и полубайданы, и кольчуги в это время продолжали выделяться в описях Оружейной палаты. Т.е. подход к терминологии асинхронно менялся по временам и территориям.

Хотя документы эти опубликованы давно, но вразумительных ответов на затронутые выше вопросы нет. Эти источники выходят за рассматриваемый период XV — начала XVII вв. Они здесь даны в первую очередь в качестве примера: использова-

⁸⁰ Шамин С.М. Цирк царевича Алексея Михайловича // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20). С. 137.

⁸¹ Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н. Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // Материалы и исследования по археологии СССР. № 77. М., 1958. С. 197.

⁸² Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. к печ. А.И. Алексеев, А.В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 27.

⁸³ Савваитов. П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 года. СПб., 1851. С. 44.

ние нового, даже давно опубликованного, источника дает ответы и ставит новые вопросы. От XVII в. сохранилось большое число неопубликованных документов, и можно ожидать новых важных источников по рассматриваемой проблеме. Хотя при этом не нужно забывать, что нельзя автоматически переносить данные XVII в. на прошедшую эпоху. Неустойчивый терминологический подход к предметам вооружения в источниках XVII в. только подтверждает необходимость многогранного изучения терминов и более раннего периода.

Библиография

Источники:

- Акты Виленской археографической комиссии. Т. 17. Вильно, 1890.
- Архив Юго-Западной Руси. Ч. 7. Т. 1. Киев, 1886.
- АСЗ. Т. 2. М., 1998.
- АФЗиХ. Ч. 2. М., 1956.
- Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря / Подг. к печ. А.И. Алексеев, А.В. Маштафаров // Вестник церковной истории. 2006. № 3.
- Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- ДДГ. М.; Л., 1950.
- Книга хождений. Записки русских путешественников XI–XV вв. М., 1984.
- Литовская метрика. Т. 1 // РИБ. Т. 20. СПб., 1903.
- Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках. СПб, 1895.
- Лурье Я.С. Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре» // ТОДРЛ. Т. 18. М.; Л., 1962.
- Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 годов из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Опись и продажа с публичного торгового оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году // Временник императорского Общества Истории и Древностей Российских. 1850. Кн. 8.
- Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998.
- ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.; Л., 1926–1928.
- ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908.
- ПСРЛ. Т. 4. Новгородская четвертая летопись. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929.
- ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.
- ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М.; Л., 1949.
- ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982.
- Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. М., 1982.
- Русско-монгольские отношения 1607–1636. Сборник документов. М., 1959.
- Савваитов П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря по описным книгам 1668 года. СПб., 1851.
- Савваитов П.И. Описание старинных царских, утварей, одежд, оружия, ратных доспехов. СПб., 1865.
- Сб. РИО. Т. 35. СПб., 1882.
- Сб. РИО. Т. 41. СПб., 1884.
- Сб. РИО. Т. 59. СПб., 1887.

Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. 2. СПб., 1781.

Литература:

- Архциховский А.В.* Русское оружие X–XIII вв. М., 1946.
- Бохан Ю.М.* Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV — канца XVI ст. Минск, 2002.
- Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971.
- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVIII веках // *Материалы и исследования по археологии СССР.* № 77. М., 1958.
- Комаров О.В.* Русская доспешная терминология XV–XVI вв.: постановка проблемы // *Valla.* 2018. Т. 4. № 4.
- Костомаров Н.И.* Земские соборы. Исторические монографии и исследования. М., 1995.
- Курбатов О.А.* Армии эпохи Ренессанса. Ч. 4 // *Сержант.* 2007. № 2 (39).
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990.
- Соколова Л.В.* Первоначально ли Краткая редакция «Задонщины»? (В связи с новейшими работами о взаимоотношении «Слова о полку Игореве» и «Задонщины») // *ТОДРЛ.* Т. 62. СПб., 2014.
- Солнцев Ф.Г.* Древности Российского государства. Т. 3. М., 1853.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1902.
- Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. СПб., 1912.
- Фатеев Д.М.* Вооружение и снаряжение русской кавалерии в 1556–79 гг. // *Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2002.* Ч. 1.
- Фигуровский Н.А.* Об одном старинном русском сборнике химических рецептов // *Труды института истории естествознания.* Т. 2. 1948.
- Шамин С.М.* Цирк царевича Алексея Михайловича // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana.* 2016. № 2 (20).
- Шиндлер О.В.* Доспешная терминология Московии 1445–1625 гг. // *Valla.* 2018. Т. 4. № 5.
- Шиндлер О.В.* К вопросу о правомерности использования термина «шишак» в XVI веке, его происхождении и развенчании одного устаревшего мифа // *История военного дела: исследования и источники.* Т. X. 2018.

Сведения об авторе:

Комаров Олег Владимирович, независимый исследователь, г. Москва (Россия).
Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.
E-mail: oleggg888@yandex.ru

O. V. Komarov

DISCUSSION ABOUT THE ARMOR'S TERMINOLOGY

Annotation: The article is a critical response to the work of the gunsmith O. V. Schindler “Russian armor terminology of the XV–XVI centuries: problem statement”, published in the journal “Valla”, № 4 for 2018. The author responds to the critical

remarks of his opponent and challenges some of the provisions put forward in his article. In the framework of the discussion, the issues of mentioning items of protective weapons in Russian written sources and the opportunity to combine armor terms with artifacts are considered.

Keywords: Moscow Russia, armour, terminology

References

Sources:

Akty Vilenskoj arheograficheskoj komissii [Acts of the Vilna archaeological Commission]. T. 17. Vil'no, 1890. (In Russian).

Arhiv Yugo-Zapadnoj Rusi [Archive of South-Western Russia]. Ch. 7. T. 1. Kiev, 1886. (In Russian).

ASZ [Acts of landowners]. T. 2. M., 1998. (In Russian).

AFZiH [Acts of feudal land ownership and economy]. Ch. 2. M., 1956. (In Russian).

Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova monastyrya / Podg. k pech. A.I. Alekseev, A.V. Mashtafarov [Contribution book of the Moscow Simonov monastery] // Vestnik cerkovnoj istorii. 2006. № 3. (In Russian).

Vkladnaya kniga Troice-Sergieva monastyrya [Contribution book of the Trinity-Sergius monastery]. M., 1987. (In Russian).

DDG [Wills and treaties of the Moscow princes]. M.; L., 1950. (In Russian).

Kniga hozhenij. Zapiski russkih puteshestvennikov XI–XV vv. [Notes of Russian travelers of the XI–XV centuries]. M., 1984. (In Russian).

Litovskaya metrika [Lithuanian metric]. T. 1 // RIB. T. 20. SPb., 1903. (In Russian).

Lihachev N.P. Sbornik aktov, sobrannyh v arhivah i bibliotekah. SPb, 1895. (In Russian).

Lur'e Ya.S. Novonajdenyj rasskaz o "stoyanii na Ugre" [Newfound story about "standing on the river Ugra"] // TODRL. T. 18. M.; L., 1962. (In Russian).

Mashtafarov A.V. Yavochnye chelobitnye 1568–1612 godov iz arhiva Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya [Petitions 1568–1612 years from the archives of the Suzdal intercession convent] // Russkij diplomatarij. Vyp. 9. M., 2003. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshogo izvodov [Novgorod First chronicle]. M.; L., 1950. (In Russian).

Opis' i prodazha s publichnogo torga ostavshegosya imeniya po ubienii narodom obvinennogo v izmene Mihajly Tatishcheva v 116 godu [Inventory of Mikhail Tatishchev's property] // Vremennik imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostej Rossijskih. 1850. Kn. 8. (In Russian).

Pamyatniki Kulikovskogo cikla [Literary works of the Kulikov's cycle]. SPb., 1998. (In Russian).

PSRL [Full Collection of Russian Chronicles]. T. 1. Lavrent'evskaya letopis'. M.; L., 1926–1928. (In Russian).

PSRL. T. 2. Ipat'evskaya letopis'. SPb., 1908. (In Russian).

PSRL. T. 4. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Ch. 1. Vyp. 3. L., 1929. (In Russian).

PSRL. T. 24. Tipografskaya letopis'. Pg., 1921. (In Russian).

PSRL. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV v. M.; L., 1949. (In Russian).

PSRL. T. 37. Ustyuzhskie i vologodskie letopisi XVI–XVIII vv. L., 1982. (In Russian).

Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. [Book of military appointments 1475–1605]. T. 1. Ch. 2. M., 1982. (In Russian).

Russko-mongol'skie otnosheniya 1607–1636. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian relations 1607-1636. Collection of documents]. M., 1959. (In Russian).

Savvaitov P.I. Oruzhejnaya palata Kirillo-Belozerskogo monastyrya po opisnym knigam 1668 goda [Armory of the Kirillo-Belozersky monastery according to the books of 1668]. SPb., 1851. (In Russian).

Savvaitov P.I. Opisanie starinnyh carskih, utvarej, odezhd, oruzhiya, ratnyh dospekhov [Description vintage Royal, utensils, garments, weapons, military armor]. SPb., 1865. (In Russian).

Sb. RIO [Collection of the Russian historical society]. T. 35. SPb., 1882. (In Russian).

Sb. RIO. T. 41. SPb., 1884. (In Russian).

Sb. RIO. T. 59. SPb., 1887. (In Russian).

Ustav ratnyh, pushechnyh i drugih del, kasayushchihsya do voinskoj nauki [Charter of military, cannon and other matters relating to the military science]. Ch. 2. SPb., 1781. (In Russian).

Researches:

Arhchikovskij. A.V. Russkoe oruzhie X–XIII vv. [Russian weapons X–XIII centuries]. M., 1946. (In Russian).

Bohan Yu.M. Uzbraenne vojska VKL drugoj palovy XIV — kanca XVI st. [The armament of the troops of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of XIV — XVI century]. Minsk, 2002. (In Belorussian).

Zaliznyak A.A. Drevnenovgorodskij dialekt [Old Novgorod dialect]. M., 2004. (In Russian).

Kirpichnikov A.N. Drevnerusskoe oruzhie [Ancient Russian weapons]. Vyp. 3. L., 1971. (In Russian).

Kirpichnikov A.N., Hlopin I.N. Krepost' Kirillo-Belozerskogo monastyrya i ee vooruzhenie v XVI–XVIII vekah [The fortress of Kirillo-Belozersky monastery and its weapons in the XVI–XVII centuries] // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. № 77. M., 1958. (In Russian).

Komarov O.V. Russkaya dospeshnaya terminologiya XV–XVI vv.: postanovka problemy [Russian armor terminology of XV–XVI centuries: problem statement] // Valla. 2018. T. 4. № 4. (In Russian).

Kostomarov N.I. Zemskie sobory. Istoricheskie monografii i issledovaniya [The Zemsky Sobor. Historical monographs and studies]. M., 1995. (In Russian).

Kurbatov O.A. Armii ehpoi Renessansa [Army of the Renaissance]. Ch. 4 // Serzhant. 2007. № 2 (39). (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of Russian XI–XVII centuries]. Vyp. 16. M., 1990. (In Russian).

Sokolova L.V. Pervonachal'na li Kratkaya redakciya "Zadonschiny"? (V svyazi s novejshimi rabotami o vzaimootnoshenii "Slova o polku Igoreve" i "Zadonschiny") [Is the short version of Zadonschina original?] // TODRL. T. 62. SPb., 2014. (In Russian).

Solncev F.G. Drevnosti Rossijskogo gosudarstva [Antiquities of the Russian state]. T. 3. M., 1853. (In Russian).

Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the dictionary of the old Russian language on written monuments]. T. 2. SPb., 1902. (In Russian).

Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. T. 3. SPb., 1912. (In Russian).

Fateev D.M. Vooruzhenie i snaryazhenie russkoj kavalerii v 1556–79 gg. [Armament and equipment of the Russian cavalry in 1556–79] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Materialy nauch. konf. Velikij Novgorod, 2002. Ch. 1. (In Russian).

Figurovskij N.A. Ob odnom starinnom russkom sbornike himicheskikh receptov [About one old Russian Collection of chemical recipes] // Trudy instituta istorii estestvoznaniya. T. 2. 1948. (In Russian).

Shamin S.M. Cirk carevicha Alekseya Mihajlovicha [Circus of Tsarevich Alexei Mikhailovich] // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. № 2 (20). (In Russian).

Shindler O.V. Dospeshnaya terminologiya Moskovii 1445–1625 gg. [Armor terminology of Muscovy 1445–1625] // Valla. 2018. Т. 4. № 5. (In Russian).

Shindler O.V. K voprosu o pravomernosti ispol'zovaniya termina "shishak" v XVI veke, ego proiskhozhdenii i razvenchanii odnogo ustarevshego mifa [On the question of the legality of the use of the term "Shishak" in the XVI century, its origin and debunking one outdated myth] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Т. X. 2018. (In Russian).

About the author:

Komarov Oleg V., independent researcher, Moscow (Russia).

E-mail: oleggg888@yandex.ru